

Зубанова Светлана Геннадиевна**Zubanova Svetlana Gennadyevna**

доктор исторических наук, профессор,
заведующая кафедрой иностранных языков
Московского авиационного института
(национального исследовательского университета)

D.Phil. in History, Professor,
Head of Foreign Languages Department,
Moscow Aviation Institute
(National Research University)

**ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРАКТИКИ
СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МОНАСТЫРЕЙ: УТРАЧЕННЫЙ ОПЫТ
В РЕТРОСПЕКТИВЕ
И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ****THE REVIVAL OF THE MONASTERIES'
AND CONVENTS' SOCIAL WORK
PRACTICE: LOST EXPERIENCE
IN RETROSPECTIVE
AND CURRENT TRENDS****Аннотация:**

Статья посвящена рассмотрению социальной роли православных монастырей на территории России в прошлом и на современном этапе. Автором охарактеризована традиция социальной деятельности (социального служения) монастырей, проанализирован масштаб их социальной помощи народу и государству в прошлом, обозначены проблемы в возрождении практики социального служения на современном этапе и предложены возможные пути их преодоления.

Ключевые слова:

Русская православная церковь, православные монастыри, социальная деятельность, социальное служение, православные традиции, государственная поддержка, государственно-церковные отношения, благотворительность, религиозное образование.

Summary:

The article is devoted to considering the social role of Orthodox monasteries and convents in Russia in the past and at the present stage. The author describes the social work (social service) tradition in the monasteries and convents, analyzes the scope of their social assistance to people and state in the past, identifies the problems of reviving the social service practice at the current stage as well as suggests the possible ways of overcoming these problems.

Keywords:

Russian Orthodox Church, orthodox monasteries and convents, social work, social service, Orthodox traditions, state support, state and church relations, charity, religious education.

Актуальность проблемы возрождения традиции социальной деятельности (социального служения) монастырей определяется изменениями в государственной, общественной и церковной жизни, которые произошли в России за последнюю четверть века. Они способствовали оптимизации роли Русской православной церкви (РПЦ) как общественного института в жизни всего государства и общества.

Православные монастыри являются неотъемлемой частью социокультурной жизни России: и в историческом прошлом, и сегодня. В 75 губерниях и областях дореволюционной России в начале XX в. насчитывалось 1 105 монастырей. Спустя 80 лет, в 1988 г. было всего 22 монастыря, принадлежащих к РПЦ. В наше время на территории Российской Федерации насчитывается около 1 000 православных монастырей.

Основная социальная миссия православных монастырей (она же и богослужебная) «...есть молитва неусыпная о Церкви, Отечестве, живых и мертвых» [1, с. 511]. Митрополит Московский Филарет (Дроздов) говорил о том, что не так много людей в обществе, которые призваны к монашескому подвигу. Вместе с тем среди наших монашествующих соотечественников были такие, о которых патриарх Алексий II писал следующее: «Духовные светила, свет которых ярко сиял на всю тогдашнюю вселенную и своим отблеском озарял всю последующую жизнь Церкви...» [2, с. 6].

Богатство русских монастырей на Руси традиционно воспринималось как богатство страны и ее народа: «Монахи и нищие являются представителями Христа, вследствие чего дар, сделанный для них, становится и даром для самого Христа» [3, S. 109]. В синодальный период монастыри получали из государственной казны немалые суммы жалования (737 тыс. р. в XIX в.) [4, с. 62] и владели значительными земельными участками и крепостными крестьянами. Монастырское достояние щедро использовалось на нужды Отечества в периоды тяжелых испытаний. Так, в XIX в. распоряжения Святейшего синода предписывали «устанавливать специальный сбор пожертвований при богослужениях; ...Лаврам, наиболее обеспеченным монастырям и храмам – выделять из своих средств денежные пособия для нуждающихся; ...публиковать в “Церковных ведомостях” подробные отчеты о расходовании всех видов пожертвований» [5].

Хозяйственная деятельность монастырей исторически являлась средством обеспечения населения работой и развития экономики региона. Приведем в качестве примера Соловецкий монастырь, который к XVII в. сумел создать в северном регионе мощное вотчинное хозяйство,

способствовавшее укреплению экономики всей территории. Монастырь обеспечивал работой не только монахов и трудников, но и наемных работников, что способствовало росту старых и появлению новых поселений, организовывал товарообмен, ежегодно продавал более 2 000 т соли, распространял передовые технологии судостроения, гидротехники, каменного зодчества и пр.

Архивными документами другого монастыря – Козельской Введенской Оптиной пустыни – подтверждается то, что в XIX столетии социальное служение монастырей характеризовалось разнообразием социальной помощи народу: пострадавшим от пожаров монастырь разрешал рубить лес для постройки домов [6, л. 1], охотиться в монастырских лесах [7, л. 3]; древесный уголь, производимый Оптиной пустыней, благотворительно поставлялся заводам [8, л. 5].

Монастыри основывались в местах, удаленных от населенных пунктов. Рядом с отстраиваемыми обителями постепенно образовывались поселения. Так, например, возникли город Устюг Вологодской области (около Троице-Гледенского монастыря), город Ветлуга Нижегородской области (около Троицко-Варнавинского мужского монастыря), город Кашин Тверской области (около Калязинского Троицкого Макарьева монастыря) и многие другие. Еще один пример – православный монастырь, появившийся на территории Южного Урала до XVIII в., – Далматовский Успенский монастырь, ставший центром распространения православия и основной базой строителей храмов в регионе [9, с. 55–56].

К социальной деятельности монастырей относятся их *патриотическое служение в годы тяжелых для народа испытаний, помощь раненым воинам*. О влиянии монашества на национальное самосознание русского народа писал известный историк И.К. Смолич: «...Задача формирования национального самосознания складывавшегося Русского государства главным образом... решалась древнерусским иночеством» [10, с. 30].

Во времена Сергия Радонежского на Куликовом поле погибли иноки Пересвет и Ослябя. В период междуцарствия Троице-Сергиева лавра защитила от иноземных захватчиков территорию монастыря. Петр I использовал материальную помощь от русских монастырей для обороны страны. В XVI в. при покушении Швеции на русские северные владения Соловецкий монастырь превратился в центр обороны: «При поддержке центральной власти он создал в юго-западном Беломорье целую оборонительную систему» [11, с. 34].

Помимо Соловецкого монастыря и другие обители (Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, Тихвинский монастырь, Калязинский Троицкий Макарьев монастырь, Троице-Сергиева лавра и др.) окружали себя каменными стенами и надежно охраняли от неприятеля рубежи родины.

В 1722 г. к обязанностям монастырского приказа была отнесена забота о бедных военных чинах. Особенно выделялась благотворительностью Троице-Сергиева лавра: при продолжительной по времени осаде ее поляками под командованием К.Л. Сапеги монастырь содержал на своем попечении 15 000 человек, среди которых были женщины и дети. Когда осада была снята, за монастырем были построены больницы и лазареты для оказания помощи раненым и большим моровой язвой.

В отделе рукописей РГБ сохранился большой архивный комплекс документов, свидетельствующих о социальном служении монахов в период Русско-турецкой войны: об открытии лазарета в августе 1877 г. при монастырской больнице Оптиной пустыни [12, л. 3], о воинских чинах на излечении в лазарете от механических повреждений [13, л. 6–7], «10-дневные посуточные ведомости о числе раненых и больных» [14, л. 12], «именные списки нижних чинов, прибывших на излечение в Оптину пустынь...» [15, л. 68–69]. Опыт Козельского монастыря не был единичным: по Указу Святейшего синода 1876–1877 гг. все мужские и женские монастыри создавали из числа монашествующих отряды «сердобольных братьев и сестер». Так РПЦ через монастыри оказывала помощь российской армии.

Особенно ярко проявился патриотический дух русского православного монашества в служении во время Отечественной войны 1812 г. «Уклоняясь от смерти за честь, веру и за свободу Отечества, ты умрешь преступником или рабом; умри за веру и Отечество – ты примешь жизнь и венец на небе», – вдохновлял паству митрополит Московский Филарет (Дроздов) [16, с. 89].

Монастыри жертвовали средства на ведение освободительной войны. В 1812 г. Священный синод пожертвовал для русской армии 1,5 млн р. из своего капитала, а после окончания войны – еще 3,5 млн р. на восстановительные работы [17, л. 77–78].

Профессор О.Ю. Васильева обоснованно заключает: «Патриотическая деятельность Русской православной церкви в годы войны явилась не только заметной, но и существенно необходимой, выражала естественные чувства принадлежности граждан к Родине» [18, с. 107].

Монастыри различными способами оказывали нуждающимся благотворительную помощь: в них кормили, лечили, учили, давали приют и возможность трудиться. Так, например, в архивных документах Святейшего синода за XIX в. сфера социальной деятельности монастырей определяется следующим образом: «Монастыри Православной церкви... находят средства к принятию в среду монашествующей братии мирян, нуждающихся в духовном врачевании, а сверх

того и к устройству благотворительных учреждений для мирян, как школы, приюты, богадельни, больницы, странноприимные дома...» [19, л. 30].

По инициативе царя Федора Алексеевича решением земского собора 1861 г. в епархиях были организованы пристанища для неимущих. Белозерский Кириллов монастырь, Троице-Сергиева лавра и другие монастыри основали больницы и богадельни. Оптиная пустынь была известна в XIX в. своими инвалидным домом, детским приютом и богадельней [20, л. 4].

К социальной деятельности монастырей дореволюционного периода относится их *участие в деле народного просвещения, воспитания, образования, а также миссионерская деятельность*. Монастыри занимались обучением народа грамоте, организацией при монастырях училищ, школ иконописи, открывали духовные семинарии, многие из которых действуют и сейчас, распространяли духовную литературу, создавали библиотечные фонды, в которых сохраняли книги, имеющие историческую ценность. Так, например, обучение народа элементарной грамотности на Восточном Урале в начале XVIII в. было начато в Верхотурском Николаевском и Далматовском Успенском мужском монастырях, которые в дальнейшем превратились в известные на всю страну центры распространения духовной культуры [21].

Высочайший Указ 1823 г. расширил систему духовных учебных заведений, разрешив удостоивать сана архимандрита монахов, отличившихся особой ученостью, но не являющихся настоятелями [22, с. 30–31]. Если в начале XIX в. в России числилось 37 православных семинарий и 76 архиерейских школ (низших духовных учебных заведений), то в 1838 г. их количество возросло соответственно до 44 и 159, а к 1854 г. – до 48 и 223 [23, с. 14]. Высшими духовными учебными заведениями были духовные академии в Петербурге, Москве, Казани и Киеве.

Примером одного из направлений социального служения монастырей – миссионерской деятельности – является установившаяся практика Соловецкого монастыря в отношении нерусского населения северного края. Для распространения православия была создана целая сеть приходов на берегах Белого моря. Монастырские проповедники Кукша, Герасим Вологодский, Авраамий Болгарский, Стефан Пермский, Исайя и Авраамий Ростовские несли в языческую среду евангельские истины. Основанные ими монастыри служили оплотом распространения и укрепления православия.

Монастыри, принимая тысячи паломников, предоставляли жилье и питание, занимались воспитанием, духовным просвещением народа, строго следили за нравственностью своих прихожан: «...Мирянам монастырских волостей строго запрещались азартные игры, винокурение и винопитие. Нарушителей ожидали штрафы или даже изгнание из монастырских земель» [24, с. 30].

Так же как и обучение христианской вере и нравственности народа, *издательское дело в монастырях особым образом сказывалось на повышении духовно-нравственной культуры общества*. Часть своих средств монастыри направляли на издательство религиозно-просветительной литературы, распространяемой в народе. Благодаря монастырям до нас дошли уникальные памятники книжной культуры XVII–XIX вв. Жанры проповеди и летописи являются памятниками религиозно-нравственного социального служения всех российских монастырей.

Значительным было влияние ученого монашества на отечественную культуру в XIX в.: в духовном попечении ученого монашества особенно нуждалась образованная часть российского общества – интеллигенция, создававшая светскую культуру. Видными представителями ученого монашества XIX в. являются: святители Феофан Затворник и Иннокентий Херсонский, митрополит Евгений (Болховитинов) – историк, археограф, библиограф и археолог, митрополит Макарий (Булгаков), митрополит Киевский Филарет (Амфитеатров), архиепископ Филарет (Гумилевский), епископ Игнатий (Брянчанинов), архимандрит Порфирий (Успенский) – востоковед, археолог и археограф, монах Иакинф (Н.Я. Бичурин) – основатель русского китаеведения.

Архивные данные свидетельствуют, что в Оптиной пустыни в 1889 г. насельниками были 148 ученых монахов [25, л. 18], которые своими трудами создали библиотеку монастыря, насчитывавшую 5 тыс. книг [26, л. 21].

Социальное служение Оптиной пустыни было особенным в сравнении с другими обителями: ее книгоиздательская деятельность в XIX в. имела всероссийский размах, а по степени учености монашеская братия данной обители превосходила все остальные.

Влияние святоотеческой литературы и православных монастырских старцев нашло отражение в иконографии и живописи, архитектуре, музыкальной культуре, литературе и театре, русской религиозной философии и сказалось на развитии отечественного меценатства.

Особый вид социальной деятельности монастырей – *помощь пенитенциарным учреждениям в осуществлении надзора за «неблагонадежными»*. Однако со второй половины XIX в. заточение в монастырь стало применяться значительно реже [27]. Указ Святейшего синода 1851 г. гласил: «Заключение светских людей в монастыри... не достигает цели и стеснительно для самих монастырей», поэтому Синод предписывал отбывать наказание «негласно, под надзором отца духовного...» [28, с. 398].

Характеризуя социальную деятельность православных монастырей РПЦ на современном этапе, отметим, что в XXI в. эта деятельность впервые стала регулироваться официальными документами. В 2000 г. были приняты «Основы социальной концепции РПЦ», а в 2011 г. впервые был принят документ РПЦ «О принципах организации социальной работы...». В числе многих задач для приходов и епархий в документе поставлены конкретные задачи по социальному служению перед православными монастырями: «Монастыри, являясь центрами аскетического подвига и молитвы, издревле участвовали в делах милосердия и благотворительности. При обителях устраивались церковные богадельни, приюты, благотворительные трапезные для немощных. Монастыри могут осуществлять с учетом особенностей их внутренней жизни те же виды социального служения...» [29].

Оценивая социальную активность монастырей на современном этапе, нельзя не учитывать, что в России практически нет монастырей, служение которых не прерывалось в советский период (исключение составляет Псково-Печерский монастырь, который за свою историю – 544 года – никогда не закрывался). Поэтому современное состояние большинства монастырей РПЦ не позволяет говорить о полномасштабном возрождении практики их социального служения. В ряде случаев государство демонстрирует готовность оказать содействие РПЦ в восстановлении разрушенных обителей. Примером такого монастыря, восстанавливаемого с помощью государства, является Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь, который с 1992 г. является объектом всемирного наследия ЮНЕСКО, а с 1995 г. значится в Государственном своде особо ценных объектов культурного наследия народов РФ. Другой пример социально ответственного отношения государства к православным святыням: в 2016 г. в связи с подготовкой к празднованию 1000-летия русского присутствия на Святой горе был создан специальный фонд и произведены огромные реставрационные, строительные и восстановительные работы.

Однако большинство разрушенных в советский период православных монастырей восстанавливаются на пожертвованные средства паломников и прихожан, поэтому процесс осуществляется медленно. В этих условиях рассчитывать на былой размах социальной помощи монастырей не приходится. Кроме того, к началу XXI в. за 70 лет атеистической эпохи из памяти народа стерлись некоторые веками жившие религиозные традиции, в том числе и традиции социального служения. Их возрождение сопряжено с необходимостью изучения утраченного опыта и с его возрождением в контексте современных условий.

В одном из своих выступлений Святейший патриарх Московский и всея Руси Кирилл ставит задачи перед монашескими общинами, которые «...должны быть лидерами в совершении добрых дел... Часто ли мы кормим голодных? ...Помогаем человеку в крайней нужде? ...Одеваем людей, посещаем их в скорбях, протягиваем руку помощи? Более того: часто ли мы о них думаем?» [30]. В этих словах – напоминание патриарха монашествующим о божественных заповедях, которые учат быть милосердными, делать добро и оказывать безвозмездную помощь ближнему.

В наше время большинство монастырей стремятся совмещать восстановительные работы и социальную деятельность, например через *создание приюта или открытие детского дома*. Сегодня эта форма социального служения развивается во многих монастырях, в том числе и в Свято-Троицкой Сергиевой лавре, Стефано-Махрицком, Саввино-Сторожевском, Московском Покровском и Покровском Хотьковском монастырях, в Богоявленско-Анастасином женском монастыре (город Кострома), в Свято-Георгиевском женском монастыре Пятигорской и Черкесской епархии и в других монастырях.

В Марфо-Мариинской обители милосердия создан Центр семейного устройства, который призван оказывать всестороннюю помощь семьям с приемными детьми, комплексное сопровождение замещающим семьям и семьям в кризисных ситуациях, содействовать укреплению семей, предотвращать отказы от детей и их возврат в учреждения для детей-сирот. Также опыт *полечения о детских домах* накоплен в Николо-Угрешском монастыре, Казанском девичьем монастыре (город Калуга).

Помощь престарелым, эта востребованная и социально значимая сфера общественного служения, в настоящее время развита в монастырях достаточно слабо. Сегодня функционирует совсем незначительное количество учреждений подобного типа (не более десяти), причем в некоторых из них число проживающих не превышает 10 человек. В качестве положительного примера приведем Свято-Казанскую Амвросиевскую пустынь, в богадельне которой проживают 35 человек и организован благотворительный медицинский центр, обслуживающий жителей окрестных деревень, насельников и паломников монастыря. В Богоявленско-Анастасином женском монастыре Костромы более 25 лет действует богадельня для инвалидов.

Востребованной формой современной социальной деятельности монастырей является *создание сестричеств*. Примером может служить Казанский девичий монастырь в Калуге, а также Марфо-Мариинская обитель милосердия, в которой создана Ассоциация сестричеств для развития и совершенствования церковного социального служения.

Создание социальных центров при монастырях – тоже современное веяние. Пример успешной деятельности такого центра, названного именем святителя Тихона, имеется в Донском монастыре. При нем есть постоянный консультант центра, эксперт по социальному сиротству. В направления работы социального центра входят: поддержка выпускниц детских домов, патронаж центра адаптации в Калужской области, работа с трудными подростками и заключенными. *Дети из неблагополучных семей* – серьезная проблема современности, для решения которой требуется помощь монастырей. Есть позитивные примеры: так, социальный центр Данилова монастыря патронирует учащихся школы-интерната в городе Кольчугино Владимирской области; Введенский женский монастырь города Иваново опекает безнадзорных детей и детей-сирот, а также помогает малоимущим, женщинам в кризисной ситуации, замещающим семьям. Особенно значимая помощь оказывается инвалидам с нарушением опорно-двигательного аппарата, детям-инвалидам.

Есть и уникальные современные социальные практики в монастырях – например, в московском Симоновом монастыре создана *община слепоглухонемых, глухонемых и слабослышащих православных христиан*.

Монастыри в наше время взаимодействуют с тюрьмами и исправительными учреждениями в целях оказания нравственно-психологической помощи заключенным. Тюремное служение монастыря предполагает проведение литургии, причастие, исповедь, катехизаторские беседы, поздравление с церковными праздниками.

Отметим еще одну важную форму социальной деятельности на современном этапе – *создание обществ трезвости и борьба с пьянством и наркозависимостью*. Большой опыт работы в этом направлении накоплен в Екатеринбургской епархии в обществе «Трезвение» при Ново-Тихвинском женском монастыре города Екатеринбурга, в Николо-Угрешском и Новоспасском мужском ставропигиальном монастыре (Москва), на подворье Новоспасского монастыря в Калужской области. Во Введенском женском монастыре в городе Иваново ведется большая социальная работа по 15 направлениям: телефон доверия, антиалкогольные программы, проекты по борьбе с наркоманией (в сотрудничестве с 4 городскими наркологическими центрами), ВИЧ/СПИДом, выпуск листка трезвости «Выбираю жизнь».

Завершая рассмотрение проблемы, подчеркнем: автор не ставил перед собой задачи представить исчерпывающий анализ социального служения монастырей в историческом прошлом и на современном этапе. Представленные материалы свидетельствуют о том, что многие существовавшие в дореволюционной России направления и формы социального служения монастырей остаются актуальными и сегодня. Это подтверждается словами из современного церковного документа: «Монастыри могут оказывать духовную и материальную помощь больницам, детским домам и приютам, воинским частям и пенитенциарным учреждениям; организовывать православные негосударственные образовательные учреждения, приюты для сирот, библиотеки, издательства; оказывать содействие православным молодежным организациям... Монастырская благотворительность должна в первую очередь выражаться в заботе о паломниках и богомольцах... Во время народных бедствий монастыри обязаны приходить на помощь местному населению» [31].

В заключение сформулируем выводы.

Социальное служение православных монастырей – это важная часть социальной жизни России, значимый нравственный фактор в оказании помощи государству в решении социальных проблем общества.

Монастыри всегда были и должны оставаться не только носителями высокой духовности, книжности, образцами русского монументального искусства в храмовой архитектуре и мастерстве иконописания, но хранителями и воспитателями в народе традиций христианской культуры и бережного и внимательного отношения к духовно-нравственным ценностям России.

Монастыри на протяжении всей дореволюционной истории активно и многопланово занимались решением социальных проблем страны: участвовали в развитии экономики региона, оказывали материальную помощь нуждающимся, давали приют одиноким и бездомным, предоставляли возможность трудиться и зарабатывать на хлеб, оказывали пастырскую помощь сиротам, инвалидам, больным, престарелым и осужденным, поддерживали духовно-нравственное состояние в обществе, позитивно влияли на развитие литературы, книгоиздательского дела в России, подавали пример патриотического служения Отечеству в годы тяжелых испытаний народа.

Масштабы разрушений обителей, уничтожения кадров духовенства, которые вынесла РПЦ за годы советской власти, до настоящего времени не позволяют констатировать готовность монастырей заниматься практикой социального служения в былом масштабе. Трудности восстановления некоторых монастырей настолько значительны, что преодолеть их без помощи государства и частных благотворителей не представляется возможным. Для решения проблем необходимо дальнейшее совершенствование правоприменительной практики благотворения.

Фактическое состояние дел в социальной сфере страны характеризуется значительным количеством проблем, которыми РПЦ и государственные учреждения социальной сферы должны заниматься сообща. Для этого необходим опыт взаимодействия в прошлом: его изучение и си-

стематизация, использование с учетом современных условий. Важно продолжать и оптимизировать совместную, партнерскую деятельность государства и РПЦ по различным социальным проектам, направленным на решение насущных социальных проблем российского общества.

Формируя социальную политику государства, парадигмы воспитания и образования подрастающего поколения, правовые основы благотворительной деятельности, среди прочих традиционных ценностей духовно-нравственной культуры российского народа следует учитывать милосердие, благотворительность, социальное служение.

Ссылки:

1. Феофан Затворник, свт. Начертание христианского православного учения. М., 2010. 686 с.
2. Патриарх Алексий II. Русь Державна. 1994. № 2. С. 6.
3. Steindorff L. Memoria in Altrußland. Untersuchungen zu den Formen christlicher Totensorge. Stuttgart, 1994. 234 S.
4. Беседа. 1872. Кн. XI. С. 61–62.
5. Нижегородские епархиальные ведомости. 1891. № 17.
6. ОР РГБ (Отд. рукоп. Рос. гос. б-ки). Ф. 213. К. 3. Д. 28. Л. 1.
7. ОР РГБ. Ф. 213. К. 3. Д. 18. Л. 3.
8. ОР РГБ. Ф. 213. К. 15. Д. 17. Л. 5.
9. Ponomarenko E. The architecture of the Orthodox monasteries of Southern Urals in the 17th century // *Nauka i studia*. 2015. Vol. 11. P. 53–56.
10. Смолич И.К. Русское монашество: 988–1917. Жизнь и учение старцев. М., 1997. С. 30.
11. Лаушкин А.В., Аксючиц-Лаушкина В.В. Соловецкий монастырь и его ближайшие окрестности. М. ; Соловки, 2015. 272 с.
12. ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Д. 12. Л. 3.
13. Там же. Л. 6–7.
14. Там же. Л. 12.
15. Там же. Л. 68–69.
16. Филарет, митр. Московский и Коломенский. Сочинения. Ч. 1. М., 1844. С. 89.
17. ОР РГБ. Ф. 668. К. 1. Д. 27. Л. 77–78.
18. Васильева О.Ю. Судьбы русских монастырей в XX в. // *Монашество и монастыри в России XI–XX века. Исторические очерки*. М., 2005. С. 332–342.
19. ОР РГБ. Ф. 213. К. 3. Д. 13. Л. 30.
20. ОР РГБ. Ф. 213. К. 3. Д. 6. Л. 4.
21. Андреева Е.В. Социально-культурная деятельность монастырей Восточного Урала и ее общественное значение // *Вестник Гуманитарного университета*. 2013. № 3 (3). С. 125–135.
22. Федоров П.Ф. Соловки. Кронштадт, 1889. С. 30–31.
23. Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской Церкви. Вып. IV. М., 1893. С. 14.
24. Лаушкин А.В., Аксючиц-Лаушкина В.В. Указ соч. С. 30.
25. ОР РГБ. Ф. 213. К. 2. Д. 1. Л. 18.
26. ОР РГБ. Ф. 213. К. 2. Д. 5. Л. 21.
27. Скоморох Олег, свящ. Пастырское служение в тюрьме в настоящее время [Электронный ресурс]. СПб., 1998. URL: http://oteknik.narod.ru/skomorcvp_1.htm (дата обращения: 16.10.2016).
28. Никитин В.Н. Тюрьма и ссылка. 1560–1880 гг. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи со времени возникновения русской тюрьмы до наших дней. СПб., 1880. С. 398.
29. О принципах организации социальной работы в Русской православной церкви [Электронный ресурс] : док. принят 4 февр. 2011 г. Архиерейским собором РПЦ. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1401894.html> (дата обращения: 01.10.2016).
30. Патриарх поблагодарил Путина за поддержку русского монашества на Афоне [Электронный ресурс]. 2016. 28 мая. URL: http://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201605282113-r91m.htm (дата обращения: 16.10.2016).
31. Проект «Положения о монастырях и монашествующих» [Электронный ресурс]. 2012. 30 мая. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2255384.html> (дата обращения: 24.09.2016).

References:

- Andreeva, EV 2013, 'Social and cultural activity of the monasteries and convents of the Eastern Urals and its social significance', *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*, no. 3 (3), pp. 125-135, (in Russian).
- Conversacion 1872, Book. XI, pp. 61-62, (in Russian).
- Dobroklonsky, AP 1893, *Guide to the history of the Russian Church*, Issue IV, Moscow, p. 14, (in Russian).
- Fedorov, PF 1889, *The Solovetsky Islands*, Kronstadt, pp. 30-31, (in Russian).
- Laushkin, AV & Aksyuchits-Laushkina, VV 2015, *The Solovetsky Monastery and its immediate surroundings*, Moscow, Solovki, 272 p., (in Russian).
- Metropolitan Philaret of Moscow and Kolomna, 1844, *Compositions*, Part 1, Moscow, p. 89, (in Russian).
- Nikitin, VN 1880, *Prison and exile in 1560-1880. The historical, legislative, administrative and everyday situation of prisoners, exiled, their children and released from custody since the appearance of the Russian prison to the present day*, St.-Petersburg, p. 398, (in Russian).
- Nizhny Novgorod diocesan lists* 1891, no. 17, (in Russian).
- Patriarch Alexy II, 1994, *Powerful Russia*, no. 2, p. 6, (in Russian).
- Ponomarenko, E 2015, 'The architecture of the Orthodox monasteries of Southern Urals in the 17th century', *Nauka i studia*, vol. 11, pp. 53–56.
- Skomorokh, O 1998, *The pastoral ministry in prison nowadays*, St.-Petersburg, viewed 16 October 2016, <http://oteknik.narod.ru/skomorcvp_1.htm>, (in Russian).
- Smolich, IK 1997, *Russian monasticism: 988-1917. Life and teachings of the elders*, Moscow, p. 30, (in Russian).
- Steindorff, L 1994, *Memoria in Altrußland. Untersuchungen zu den Formen christlicher Totensorge*, Stuttgart, 234 S., (in German).
- Theophanes the Recluse, 2010, *The outline of the Christian Orthodox teaching*, Moscow, 686 p., (in Russian).
- Vasileva, OYu 2005, 'The fate of Russian monasteries and convents in the twentieth century', *Monashество i monastyri v Rossii XI–XX veka. Istoricheskiye ocherki*, Moscow, pp. 332-342, (in Russian).